

[Литомант](#)
[Пробуждение](#)
[Легенда о Туктуке](#)
[Битва при форте Кефф](#)
[Нисса, Пробудившая мир](#)
[Сны проклятых](#)

Kelly Digges
James Wyatt
Doug Beyer
Jenna Helland
Adam Lee
Nik Davidson

Перевод:
Андрей Ф. Галилейский

ЛИТОМАНТ

Kelly Digges

Очень давно, пожиратели миров, Эльдрази были заперты на Зендикаре тремя Мироходцами; призрачным драконом, Угином; вампиром Сориним Марковым; и третьим Мироходцем, именуемым, Литомант, о котором до сего дня было почти ничего не известно.

Сегодня мы вернемся в то далекое время, более 6 000 лет назад, в мир, чье имя утрачено для истории.

Сегодня, мы встретимся с Литомантом.

Каменная крепостная стена выросла из земли, окружая небольшой лагерь посреди открытого, уязвимого поля. Стена была гладкой и изогнутой, с элегантными зубцами.

Нагири, прозванная Литомантом, хмуро осмотрела результат своего труда. Крепкая и добротная, при благоприятных обстоятельствах эта стена простоит века.

Но сейчас обстоятельства не были благоприятными.

В кольце стен осталось около сотни беженцев. Завтра им снова придется переносить лагерь, в противном случае они рисковали быть уничтоженными этими... существами, кем или чем бы они ни были. Чудовища, порождения кошмаров, но Нагири не тратила времени на ненависть к ним. Что это могло изменить?

- Могу я с тобой поговорить, Нагири?

Резкий, сухой голос раздался за ее спиной, настолько близко, что она должна была слышать его приближение, должна была чувствовать его дыхание на своем затылке. Но его обладатель ходил, словно кот, и не вдыхал воздух, а мысль о его губах на столь ничтожном расстоянии от ее шеи, заставила ее вздрогнуть. *Вампир.*

Она, все же, чувствовала его – ведь он ходил по голым камням – но он сам посоветовал ей не выдавать никому всех своих фокусов. Даже друзьям, в число которых он вряд ли входил.

Нагири повернулась к Сорину Маркову – вампиру, такому же Мироходцу, как и она, защитнику мира под названием Иннистрад, и самому близкому к понятию «друг» существу в этом далеком от ее родины мире.

Они были яркой парой, и беженцы – местные люди с темными волосами и румяными щеками – старались держаться от них подальше. Его волосы были такими же белыми, как и ее собственные, однако пепельно-серая кожа вампира резко контрастировала с алебастровыми изгибами Нагири. Но именно глаза Сорина явно выдавали в нем чужака: черные там, где у всех были белки, с яркими, леденящими кровь радужками и зрачками.

Они прошли меж костров беженцев к краю лагеря, где стена Нагири огибала невысокую, скалистую возвышенность. Поднялись на нее и взглянули за стену. Солнце уже заходило за дальние холмы, и жуткие силуэты в долине милосердно погружались в тень.

- Ты построила им лагерь, - произнес Сорин. – Опять. Думаю, пришло время оставить их сражаться собственными силами.

- Нет, - ответила Нагири. – Мы здесь, чтобы спасти их.

- Это ты здесь, чтобы спасти их, - сказал Сорин. – Я здесь для того, чтобы остановить этих чудовищ, в этом мире, прежде чем они перекинутся на другие – на мой, или твой.

Внизу, в долине реки, темные силуэты извивались и бурлили. Звуки лагеря притихли.

- Я не могу наблюдать за их страданиями, - сказала Нагири.

- Так отвернись, - парировал Сорин. – И взгляни на общую картину.

Нагири обернулась в сторону лагеря. Некоторые беженцы наблюдали за парой Мироходцев.

- И что там, на общей картине? – тихо спросила она. – Мы побеждаем?

Сорин не сводил глаз с пульсирующей тьмы, неподвижный, как статуя.

- Нет, - ответил он.

Его резкие черты были скрыты тенью. Была ли это вина за их поражение в его голосе? Или презрение к их слабости? Хотела ли она вообще это знать?

- Мы можем стоять и сражаться, - сказал он. – Вместе, возможно, мы сможем переломить сражение. Но мы не сможем в то же время обеспечить безопасность этих людей.

- Это не вариант, - ответила Нагири. – Насколько нам известно, это последние выжившие люди во всем мире. Мы должны спасти их. Должны попытаться.

- Ну, что ж, - произнес Сорин намеренно громко. – Давай сядем и будем держать их за руки, пока они не предадутся забвению, и позволим этим чудовищам продолжить пожирать другие миры. Уверен, им будет гораздо легче от знания, что мы *попытались*.

Она обернулась в сторону беженцев. Они больше не наблюдали за Мироходцами, все их внимание теперь было приковано ко всяким мелочам, которыми были заняты их дрожащие руки. Все, кроме одной.

Девушка лет пятнадцати смотрела на них ледяными глазами.

Нагири хотела что-то сказать, что-нибудь, что могло успокоить ее. Но не могла подобрать слов. Она не могла пообещать ей ни спасение, ни победу – ничего, кроме попытки. А после выходки Сорина, эти слова не заслуживали доверия.

Она отвернулась от Сорина, сошла с возвышения, и остановилась перед девушкой с холодными, строгими глазами.

- Как тебя зовут? – спросила Нагири.

- Лиэн, - ответила девушка.

- Ты владеешь мечом?

Лиэн кивнула. Она была безоружна.

Нагири протянула руку к ближайшему камню и призвала древнее заклинание, которое она изучила, еще будучи смертной, в юности. В камне содержалась руда. Она сунула руку в скалистую породу, расплавившуюся и вспенившуюся вокруг ее молочно-белой руки.

Некоторые беженцы ахнули. Сорин нахмурился. Девушка бесстрастно наблюдала.

Нагири призвала металл в камне, и почувствовала, как ее ладонь сомкнулась на рукояти меча. Она потянула и вынула из расплавленной скалы элегантный клинок.

Подняв его на мгновение, дав лезвию сверкнуть в лучах заходящего солнца, и охладив только что выкованное оружие, чтобы его можно было взять смертной рукой, Нагири протянула меч Лиэн.

- Это твой мир, - сказала она. – Этот камень, эта земля - за все это придется сражаться тебе. Если ты думаешь, что не можешь положиться на нас, не полагайся.

Лиэн взяла меч, испытывая его вес и баланс.

- Мы все погибнем, да? – тихим голосом спросила она.

- Я не знаю, - сказала Нагири. – Но если и так, то, по крайней мере, вы можете умереть, сражаясь.

Лиэн кивнула.

Нагири повернулась к Сорину.

- Мило, - сказал он, на этот раз достаточно тихо, чтобы слышала только она. – Полагаю, ложная надежда лучше, чем никакой надежды.

- Любая надежда лучше, чем никакой надежды, - согласилась Нагири. – Всегда.

Сорин нахмурил брови, но прежде чем он смог ответить, земля вздрогнула. Нагири оступилась, но устояла на ногах. На протяжении дня проходили небольшие толчки, но не настолько сильные, как этот.

Долина была сплошь затянута мглой с кишашими, жилистыми телами чудовищ, перетекающих под ее покровом, всех тошнотворных мастей и извращенных форм. Однако сейчас они вели себя таинственно тихо, впервые за все те недели, как Сорин и Нагири боролись с ними. Все они повернулись на запад, к заходящему солнцу, и принялись раскачиваться из стороны в сторону.

Затем, невероятно огромный силуэт вырос из-за холмов на горизонте долины. Он был массивным, подобным горе, странный и жуткий, состоящий из белых костей и жилистых щупалец.

Земля сотряслась снова. Массивная громадина повернулась. Она направлялась в их сторону. И с первым ее движением, бурлящие массы в долине бросились вперед, подобно намагниченной металлической стружке.

- Занять боевые позиции! – Выкрикнула Нагири.

Беженцы стояли, как вкопанные. Все они таращились мимо нее, вверх, в бесконечное расстояние между тем, что они считали реальным, и тем, что сейчас показывали им их глаза. Какой смысл имело оружие и тактика против разгневанного бесформенного божества?

- Шевелитесь! – Заорала Лиэн.

Беженцы засуетились, принялись хватать оружие, сворачивать лагерь, готовятся сражаться или убежать. Родители хватали детей. Человек со сломанной ногой, подтянулся на здоровую ногу, опираясь на копьё.

Дрожь теперь была постоянной, земля тряслась ходуном. Облака по спирали влеклись к чудовищу на горизонте, куски земли взлетали в воздух и парили вокруг него, распадаясь и рассыпаясь в пыль.

Первая волна щелкающих челюстями кошмаров достигла лагеря. Они визжали и вопили, ревели и выли; бурлящая масса из скрежещущих зубов и острых когтей, извивающихся щупалец и безглазых, костяных голов. Самые мелкие из них были размером с собак. Самые крупные, высотой с дома, тяжело и неуклюже брели сквозь орду. Мелкие чудовища сбивались кучами под стенами, следующие за ними, взбирались по ним, штурмуя крепостной вал.

Нагири обнажила меч. Сорин встал рядом с ней с одной стороны, Лиэн с другой, и они вместе встретили накатывающую волну из плоти и безумия.

Сорин взмахнул рукой, и десяток чудовищ мгновенно истлел. Нагири сосредоточили всю свою волю, и еще несколько десятков провалились в скалистую почву. Но их было больше, нескончаемо больше, и самый огромный, там, вдали, являл собой воронку, затягивающую в себя все – тела, души, даже магию. Нагири чувствовала, как ускользала ее мана, не успевая накапливаться.

Земля накренилась. Волосы Нагири встали дыбом. Заходящее солнце освещало контуры чудовища перед ними – нет, больше, чем солнце, это бы кошмарный, не похожий ни на один источник света любого другого мира. Разверзлась пропасть, разорвав стену Нагири, светящаяся все тем же потусторонним светом. Нагири усилием воли попыталась закрыть брешь, но ничего не произошло.

Это не была трещина в земле. Это была трещина в самом мире.

Весь мир разваливался на части.

- Что это? – закричала Лиэн. Ее лицо был вымазано кровью, но она все еще стояла на ногах, с мечом в руках.

- Это, - сказал Сорин, поразительно спокойным голосом, - конец.

Свет становился невыносимым. Едва слышно, словно издалека, крики людей, которых они охраняли последние недели, умолкли, их тела были сметены прочь. Нагири почувствовала, как ее тело поднялось в воздух, и земля под ней начала рушиться и рассыпаться.

- Нагири! – Выкрикнул Сорин. – Все кончено!

Рядом с ней, вампир растворился во вспышке яркого света. Нагири схватила Лиэн за руку, но девушка уже пропала, вырванная тенью потустороннего сияния. Ее меч все еще был здесь, парящий посреди ослепительного света.

Тихо выругавшись, Нагири схватила меч и покинула этот умирающий мир.

* * * * *

Зендикар. Родной дом.

Это было согласованное место их встреч, безопасный мир, куда не решались заходить другие Мироходцы. Этот мир находился под защитой и опекой Нагири.

Сорин не предложил Иннистрад, в качестве места их встреч. Вероятно, опасался, что чудовища проследуют туда вслед за ним. Он был слишком осторожен, но, очевидно, подобная черта была естественным плодом его возраста. Ему по самой меньшей мере было тысяча лет, и Нагири размышляла иногда о том, каким он был в юности.

Они сидели в тишине на задворках временного кóровского поселения в непроходимых скалах Акума, отдыхая и восстанавливая мановые связи. Если Сорин и чувствовал сожаление о том, как все обернулось, то никак это не выражал. Нагири задумчиво сжимала в руке меч, последний отголосок погибшего мира.

- Нагири, - сказал Сорин. – У нас гость.

Она тоже почувствовала своеобразное давление в воздухе, означавшее, что кто-то материализовывался из эфира. Нагири поднялась на ноги, ее сердце учащенно забилося.

- Они...

- Нет, - прервал ее опасения Сорин. – Не настолько огромный. Но большой.

В следующее мгновение незнакомец уже стоял рядом с ними: массивный, неосязаемый, призрачный дракон, сияющий голубовато-белым светом. Два плоских рога огибали его голову, пара длинных крыльев была элегантно сложена позади его худого, изящного тела, окруженного клубящимся туманом. Дракон был огромен, не менее сорока футов росту, он появился на некотором расстоянии, и все в его позе говорило о мирных намерениях. Тем не менее, Нагири обнажила меч.

- Вы заметили, - произнес сияющий дракон, - что у нас проблема.

- Нет никаких «нас», дракон, - ответил, вставая, Сорин. – Есть мы, и есть ты. И Зендикар под ее защитой.

- И тебе привет, Сорин из Иннистрада, - произнес дракон. – И, напротив, когда речь заходит об этой проблеме, «мы» включает в себя всех и каждого.

Он повернул свою огромную голову в сторону Нагири.

- Меня зовут Нагири, я защитница Зендикара, - представилась она, взглянув в непроницаемые глаза гостя, стараясь не казаться напуганной. – Кто бы ты ни был, ты здесь с моего позволения.

- Разумеется, - произнес дракон, кланяясь. – Рад знакомству, Нагири из Зендикара, и благодарю тебя за гостеприимство.

Он вновь повернулся к Сорину.

Хмурость вампира усугубилась.

- Нагири, это Угин, известный, как Призрачный Дракон. Он стар, как само время, и столь же занудлив.

Напоминает кое-кого еще, подумала Нагири.

- Я так понимаю, вы знакомы, - сказала она.

- Мы сотрудничали по-дружески в прошлом, - сказал Угин.

- Давно, - уточнил Сорин. – Угин, что тебе нужно?

- Ваша помощь, - ответил дракон.

Он поднял руку и призвал небольшое, полупрозрачное изображение громадного существа, которого они видели на горизонте того обреченного мира.

- Ты наблюдал за нами, - произнесла Нагири, ошарашенная увиденным. – И не помог.

- Мультивселенная полна людей, ожидающих помощи, - парировал Угин, - и существует множество способов им помочь. Пока вы пытались устроить грандиозное сражение, я наблюдал и изучал этих существ, чтобы понять, как их окончательно остановить. Это наша общая цель.

- Это *моя* цель, - сказала Нагири. – Но я сомневаюсь в моральной состоятельности любого, кто рассматривает уничтожение целого мира, как исследовательский проект.

- Что ты о них узнал? – спросил Сорин, проигнорировав слова Нагири.

Прекрасно. Взрослые разговаривают. Он уже поступал с ней так, когда встречал других Мироходцев. И, все же, Нагири по большей части доверяла суждению Сорина. Она готова была выслушать дракона.

- Их называют Эльдрази, - сказал Угин, - и они пожирают целые миры. Они не Мироходцы, и, тем не менее, свободно передвигаются меж мирами. Они живые организмы, очевидно, порожденные Сплошной Бесконечностью – единственные в своем роде. Если их не остановить, они продолжат угрожать гибелью каждому миру.

- Они не могут угрожать каждому миру, - возразил Сорин. – Мультивселенная безгранична.

- Ты же сам в это не веришь, - сказал Угин. – Если существует бесконечное количество миров, то зачем спасать любой из них? Почему бы просто не переходить в другие миры, опережая Эльдрази? Нет. Мультивселенная безгранична, но ее содержание конечно. Полагать иначе, значит считать, что ничто не имеет значения. И когда ты доживешь до моих лет, ты поймешь, что не можешь себе позволить такое удовольствие, как нигилизм.

Сорин помрачнел, но ничего не ответил. Возможно, он и впрямь верил во все слова о мудрости, приходящей с возрастом.

- Как нам их остановить? – спросила Нагири.

- В этом то и дилемма, - сказал Угин. – Они порождения Бесконечности. То, что вы видели в том мире, было лишь проекцией, тенью живого эфира, спроецированного в трехмерном пространстве.

Нагири попыталась представить себе живой эфир, но в своем воображении видела лишь чудовище, заслонившее собой солнце. Оно казалось достаточно плотным.

- Отсюда дилемма, - продолжал Угин. – Если мы сразимся с ними в Сплошной Бесконечности, то испытаем их полную силу в среде, в которой даже мы едва способны выжить. Но если мы

уничтожим лишь их физические проявления – что само по себе не просто, как вы сами видели – мы все равно ничего не добьемся, ибо их истинная оболочка находится в эфире.

- Мы должны найти способ уничтожить их, - сказал Сорин.

- Скорее всего, это невозможно, - сказал Угин, - и уж точно не мудро.

- Погибают целые миры, - сказала Нагири, положив ладонь на рукоять меча. – Какая же мудрость в том, чтобы оставить этих чудовищ в живых?

- Знаешь ли ты, что они такое, Нагири из Зендикара? – спросил дракон. Он опустил свою громадную голову, чтобы взглянуть ей в глаза. – Тебе известно, в какой экосистеме они обитают, или что будет, если их уничтожить? Заслуживают ли они смерти? Распространяются ли твои моральные ценности лишь на тех существ, которых ты понимаешь? Можешь ли ты ответить хоть на один из этих вопросов?

Он искоса взглянул на Сорина.

- И, Сорин, ты-то, как никто другой понимаешь необходимость равновесия и баланса.

Эта ремарка показалась ей язвительной, но она не настолько хорошо была знакома с прошлым Сорина, чтобы знать наверняка.

- Ты говоришь предположениями, - сказал Сорин. – Не могу представить, что бы ты столь же лицемерно призывал к осторожности, если бы опасность грозила твоему миру.

Это тоже звучало язвительно. И Угин еще не называл имени своего мира, не так ли?

- Что именно ты предлагаешь? – спросила Нагири. – Ты говоришь, что хочешь остановить их, не уничтожая. Должно быть, у тебя есть план.

- Мы можем запереть их, - сказал Угин. Он вызвал еще одну иллюзию, на этот раз чертеж какой-то невероятно сложной сети из тысяч узловых кочек и сотен аккуратно изогнутых линий. – Приковать их к одному миру, используя их физические оболочки, как якоря, и погрузить в спячку. В отличие от уничтожения, это действительно может сработать. И это даст мне время на их изучение без разрушения большего количества миров.

- Ты хочешь запереть их всех? – спросила Нагири.

- Всех троих, да, - ответил Угин.

- Троих? – переспросил Сорин. – Обнови свои записи, дракон. Мы сражались с тысячами.

- Вы сражались с их порождениями, - сказал Угин, небрежно махнув рукой. – Простыми органами более крупных существ. В Мультивселенной бродит три основных Эльдрази. В их отсутствии, их порождения иссохнут и вымрут сами, так же, как отрезанная рука или нога. Мы заманим эту троицу в один мир и запрем их там.

- Мы принесем целый мир в жертву? – спросил Сорин.

- Конечно, риск есть, - сказал Угин. – Но те же средства, которыми мы запрем Эльдрази в клетке, также послужат для того, чтобы ввести их в ступор. Если у нас все получится, то мир, в котором они будут заточены, будет поврежден, но не уничтожен. Если же план провалится, тогда да, мир обречен. Но он и без того был бы обречен.

- И каким же миром ты собираешься... рискнуть? – спросила Нагири.

Угин осмотрелся по сторонам, его рогатая голова вертелась, всматриваясь в скалистые пейзажи Акума.

- Он должен быть большим, - проговорил он. – С богатой маной. Негусто населенный. Желательно место, где бы мы смогли легко построить операционную базу, мир, не находящийся под защитой другого Мироходца, и где-нибудь, где один из нас смог бы присматривать за спячкой Эльдрази.

Вот какой была уродливая правда. После всех этих разговоров о праведных делах...

- Иннистрад не подходит к этим критериям, - сказал Сорин. – Почему бы не твой мир, где бы он ни был?

- Он тоже не подходит, - сказал Угин. – Мы могли бы поискать подходящий мир, но это займет время. Время, за которое могут погибнуть другие миры. Было бы лучше начать немедленно.

Два древних Мироходца повернулись к Нагири. Угин был бесстрастен. Сорин медленно моргнул своими яркими оранжевыми глазами, словно кот, загнавший мышь в угол.

Она жала рукоять меча, выкованного из руды уничтоженного мира.

- Нет.

- Нагири... - начал Сорин тоном, напомнившим ей расстроенного родителя. – Ты же видела, что они сотворили с тем миром. Ты можешь предотвратить повторение подобного. Ты слышала, что сказал Угин. Если у нас все получится, Зендикар выживет.

- Это риск, - сказала Нагири. – Он останется поврежден. Что дает мне право подвергать всех здесь такой опасности?

- Что дает тебе право этого не делать? – спросил Угин. – Я говорю тебе, что мы можем рискнуть одним миром, чтобы спасти все остальные. И все миры, включая этот, уже в зоне риска. Выбор очевиден.

Он снова опустил голову, чтобы взглянуть ей в глаза.

- Если ты не желаешь подвергать опасности свой мир, мы можем подождать и найти другой, соответствующий нашим требованиям. Если он окажется под опекой Мироходца, мы убедим его сотрудничать с нами – силой, если понадобится. Если он окажется без защиты, просто приступим к плану.

- И что дает нам право на это? – снова спросила Нагири. – Да, хорошо, рискнуть одним миром, ради спасения остальных. Если мы остановим этих Эльдрази, может... может, это значит, что мы должны это сделать. Но что дает нам право выбирать, какой мир должен взять на себя это бремя?

- Какая у нас альтернатива? – спросил Сорин. – Может, проведем референдум?

- Поэтому я выбрал Зендикар, - сказал Угин. – Потому что у него есть защитник, тот, кто уже взял его судьбу в свои руки. Тот, кто примет верное решение и сделает праведное дело.

- А если я откажусь? – спросила Нагири. – Будете «убеждать» меня силой?

- Нет, - сказал Угин. – Потому что мне понадобится твоя помощь.

Сорин и Нагири взглянули на светящегося дракона.

- Вы двое обладаете умениями, которыми не обладаю я, - сказал Угин. – Эта работа слишком грандиозна для одного Мироходца, каким бы могущественным он ни был. Три Мироходца, мы втроем. Вместе мы можем спасти всех.

Нагири опустилась на колени и прижала ладонь к земле. Акум был богат вулканами, и каменистая почва пульсировала сердцебиением бурлящей магмы. Она потянулась дальше, к раскатыстому Ондю и иссеченному реками Тазиму, кипящему, серному Гуул Дразу. Она чувствовала Зендикар, весь мир целиком. Но его народы оставались для нее загадкой, их шаги не были слышны на грохочущем фоне живой земли.

Она подумала о тех трещинах в ткани мира, о потустороннем белом свете, льющимся из пустоты, впитывающей в себя весь мир.

Со временем они придут и сюда, если их не остановить. Они придут, и когда это случится, она не сможет защитить свой мир. И если она заточит их в каком-то другом мире, чтобы спасти свой, как она сможет простить себя за это? Воздух ее излюбленного дома будет навсегда пропитан налетом вины.

Зендикар был силен. Он мог противостоять Эльдрази достаточно долго, чтобы запереть их. Зендикар станет их тюрьмой, Нагири – их тюремщицей, один мир и один Мироходец встанут на защиту всех остальных.

Она поднялась, окинув взором суровую красоту Акума.

- Какой у нас план?

* * * * *

Угин тщательно продумал все детали. Он выработал способ поймать Эльдрази в ловушку с помощью сложной сети лучей силы и магических узловых точек. Все, что ему было нужно, это чтобы кто-то ее соорудил.

Нагири очень умело соорудила разные вещи.

Непрерывная работа заняла сорок лет. Один за другим она вынимала из земли аккуратно вытесанные каменные фигуры – *эдры*, как их назвал Угин. Она наполнила камнями небо Зендикара, а Угин выгравировал на них драконьи руны, удерживающие их в воздухе и которые, со временем, привяжут Эльдрази к этому месту.

Эдры были одновременно приманкой и ловушкой, посылающей импульсы магической энергии, привлекающие Эльдрази, как запах крови привлекает акул. Медленно, неповоротливо – и, по донесениям Сорина, игнорируя другие миры на своем пути – Эльдрази приближались к Зендикару.

Нагири распространила вести по миру о том, что скоро произойдет, мерфолкам, корам, людям, и эльфам. Земноводные сурракары перешептывались глубоко под водой о пришествии чудовищных богов, а ангелы Зендикара зорко патрулировали небеса между эдрами.

Когда Эльдрази явились, Зендикар был полностью готов принять их.

Один титан Эльдрази издали казался чудовищным и непостижимым. Все трое, вблизи, были олицетворением невозможного.

Тот, которого Сорин и Нагири выдели прежде, громадное существо, которое Угин звал Уламогом, оказался наименьшим из троих. Титан, именуемый Козилек, двинулся через эдровые поля, громадные черные лезвия из бесчувственного обсидиана парили над тем, что, скорее всего, было его головой. А над ними, во всех смыслах, парил Эрмакул, кошмарная башня из сетчатой плоти и цепких щупалец лениво плыла над рушащейся землей.

Угин изрыгал свой призрачный огонь, сжигая порождений Эльдрази в невидимом пламени. Сорин отражал их иссушающую жизнь энергию собственной, лишая их сил, прежде чем они успели бы нанести слишком большой вред Зендикару. Жители Зендикара сражались с порождениями титанов, но было совершенно очевидно, что если натиск продолжится, то любые силы сопротивления будут подавлены.

Титаны бездумно и неумолимо следовали к сердцу эдровой сети, источнику манящего зова, притянувшего их сюда, в самый эпицентр урагана.

Нагири ждала их в подземном зале, который они с Сориним называли Око Угина. Для Сорина, скорее всего, это была насмешка. Для Угина, возможно, гордость, хотя сказать наверняка было сложно. Для нее, это было сообщение: *Помни, дракон. Это была твоя идея.*

Мановое давление возросло, и в следующее мгновение Сорин и Угин стояли рядом с ней. Земля содрогалась, кристаллические стены Ока зазвенели в сочувственной вибрации.

- Они в нужной точке, - сказал Угин.

Три Мироходца сосредоточили всю свою необъятную энергию на одном узловом камне, связанном с каждым эдром невидимыми лучами силы и маны.

Каждый эдр во всем мире вспыхнул и встал на свое место. Сеть обретала свою финальную форму. От скованного льдами Седжири, до Силундайского моря, Зендикар задрожал от напряжения.

Наконец, все было кончено.

Они запечатали зал мистическим замком, который можно было отпереть лишь совместными усилиями трех Мироходцев, и поднялись на полуразрушенную поверхность.

Возвышаясь над горами Акума, три титана Эльдрази стояли, окаменев, окруженные паутиной парящих эдров. Нагири знала здешнюю землю. Она уже начинала реагировать на инородное присутствие, нарастая вокруг громадных Эльдрази, подобно коросте над раной. Зубы Акума поглотят их, и жители Зендикара очистят мир от оставшихся в живых порождений чудовищ. Зендикар выжил, опустошенный, но целый, и его население научится жить в тени эдров.

- Ты молодец, Нагири, - сказал Сорин. – Это была твоя работа. Твое жертвоприношение.

Втроем они испытают прочность замка, убедятся, что титаны были надежно заперты. Возможно, Сорин и Угин помогут ей вычистить мир от остатков мелких порождений. Нагири надеялась на это. А потом, рано или поздно, два древних Мироходца уйдут, а она – с Эльдрази – останется.

Нагири взирала на беззвучные, каменные статуи. Скалистые стены уже ползли вверх, вокруг них. Возможно, через тысячу лет, они будут забыты, их заточение растает в легендах. Но Нагири о них не забудет, как не забудет о них и сама земля.

- Это была *наша* работа, - сказала она. – Моя только начинается.

ПРОБУЖДЕНИЕ

James Wyatt

Более тысячи лет назад одна женщина стояла между ее миром и порогом уничтожения.

Кор Мироводец Нагири, именуемая Литомантом, помогла заточить Эльдрази в ее родном мире, на Зендикаре более 6 000 лет назад. Мироводец в те дни были неподвластны времени и в буквальном смысле, бессмертны, и у Нагири не было намерений оставлять Зендикар без присмотра. Она осела в безвременной вахте за темницей титанов Эльдрази и ждала.

И ждала.

И ждала.

Пока что-то не изменилось. Эльдрази пошевелились. Нагири проснулась.

Это было еще не великое пробуждение Эльдрази – сами титаны оставались в заточении, хотя их порождения уже рыскали по Зендикару. Это произошло примерно за тысячу лет до событий, приведших к их освобождению, и могло привести к великому восстанию Эльдрази... если бы на их пути не встала Нагири.

Нагири была одним целым со всем миром.

Закрыв глаза, она сидела в каменном коконе, каждый дюйм ее кожи соприкасался с сердцем земли, монолитной основой Зендикара. Все, что касалось земли, касалось и ее, бесконечным маршем бессмысленных движений, пока она и весь мир просто существовали, бытие без деяния. Как давно она здесь? Сколько поколений людей и животных пришло и ушло с тех пор, как она заперлась внутри, соорудив снаружи каменную пирамиду? Это было неважно. Она была бессмертна, нестареющая, как и сам мир.

Я хоть все еще жива?

Она не покидала Зендикар с того дня, как привела сюда Сорина и Призрачного Дракона, когда они начали свой роковой труд по заточению Эльдрази. Поначалу, она осталась наблюдать. Их план, кажется, сработал: темница удерживала чудовищ, и вскоре Эльдрази были забыты. Но Зендикару не нравилось держать их в своих недрах. Акум все еще содрогался и сотрясался вокруг тюрьмы чудовищ, словно пытаясь оторыгнуть их. Если она уйдет, думала Нагири, как она будет знать, что ее мир все еще в безопасности?

Первые пару веков она жила – по-настоящему *жила* – среди ее собственного народа, с корами. Она ворковала с детьми и рыдала на похоронах, смеялась за столами, заваленными едой, и влюблялась... дважды. Она обучала литомантии нескончаемые потоки учеников, показывая им, как использовать камень и металл в нем для создания предметов и орудия.

Она учила коров дежурить у темницы Эльдрази, водя их отряды в долгие паломничества по всему миру. Она показывала им важные узловые точки энергетической сети эдров, и учила кователей камней тому, как испытывать стены темницы, чтобы убедиться – она называла их «богами», для лучшего понимания – чтобы убедиться, что боги не освободились, и не угрожают миру.

Но ее ученики учились и шли дальше. Ее любовники старели и умирали. Рождение сменяло рождение, снова и снова, и одни похороны следовали за другими, и вскоре, она уже не могла вспомнить, почему это было важно... все это.

Поэтому она вернулась сюда, в пещеру Призрачного Дракона, место, которое они с Сориним назвали Око Угина, в качестве невинной внутренней шутки. Ее шаги эхом разносились по широченному каменному залу, она мельком подумала, не вызвать ли Сорина, единственного, кто существовал дольше нее, и кто мог понять то уныние, которое она сейчас испытывала. Он не навещал ее уже десятки лет, но они договорились, что сила Ока Угина могла быть использована только в случае, если темница Эльдрази падет.

Она села на землю, все эти годы тому назад, и закрыла глаза. И чувствовала, как мир жил дальше, со всеми его жителями, цеплявшихся за свои короткие жизни, словно они что-то значили. Теперь она оставалась на Зендикаре, потому что не могла придумать причину куда-либо уйти.

Сколько уже прошло? Это не имеет значения. Почему это вообще должно иметь значение?

* * * * *

Когда мир треснул, он, подобно клинку, вонзился в тело Нагири.

Акум бился, как пойманная рыба на суше. Сквозь ударные волны тошноты и головокружения, Нагири попыталась обнаружить источник боли мира, что за укус или жало могло спровоцировать подобную реакцию. Невзирая на сотрясающийся Зендикар, ее разум добрался к краю бездны, кромешной пустоте – темнице Эльдрази. Тюрьма была раскрыта.

Конечно, все это было метафорично. Эльдрази не были в буквальном смысле, заточены – они не были физическими существами, чтобы их можно было удержать на месте. Они были порождениями Сплошной Бесконечности, и их манифестации на Зендикаре были лишь проекциями, подобно тени марионеток на стене. Сложнейшее заклинание, созданное ей, Сориним, и Призрачным Драконом, вовсе не было простой клеткой. Оно приковало Эльдрази к Зендикару, удерживая их тени так, что они не могли ни передвигаться по миру, ни покинуть его.

Но что-то сместилось, едва уловимо невооруженному глазу. Нагири ощущала беспокойные движения титанов, словно испытывающих крепость их оков, и кипение их порождений бурлило вокруг них. Призрачный Дракон объяснял, однажды, что эти кишашие толпы мелких Эльдрази были подобны продолжениям трех титанов, органами чувств и пищеварения, связанными с одними и теми же межпространственными существами. Когда титаны были заточены, их генеалогические порождения продолжали расползаться по миру, но, отрезанные от парализованных титанов, они были подобны обезглавленным телам, бьющимся в предсмертных конвульсиях. Со временем, жители Зендикара добились их всех. И пока стены темницы удерживали своих узников, никаких новых Эльдрази не появлялось.

Теперь же они вырывались из-под земли, каждое их движение отдавалось болезненным уколом в теле Нагири – ощущении, которого она не испытывала уже много столетий. Она с любопытством наблюдала за этим чувством, заметив раздражение, вызванное им в ее разуме. Она даже подумала отбросить все эти ощущения и позволить Эльдрази освободиться, позволить им уничтожить Зендикар, и его жителей, и ее вместе с ними, позволить им, наконец, положить конец всей этой не меняющейся вечности ее существования и бессмысленного течения времени.

Но она чувствовала боль, и раздражение, а с ними пришло желание – желание прекратить эти чувства.

Поэтому Нагири разметала камни, собранные ею вокруг нее и медленно встала, разминая затекшие от бездействия ноги и руки. Она сделала несколько осторожных шагов по дрожащему

полу – фиксируя каждый шаг с помощью литомантии – к центру зала, где стоял огромный светящийся эдр, узловая точка всей эдровой сети, образующей темницу Эльдрази.

Теперь, наконец, настало время вызвать Сорина.

Призрачный Дракон заколдовал Око Угина магией, превосходящей пределы ее понимания, создав особую связь между каждым из них и этим местом – связь, охватывающую Сплошную Бесконечность. Любой из них троих, стоящий здесь, мог послать сообщение остальным, усиленное магией Ока, разыскав их в любом другом мире Мультивселенной. Это заклинание было рассчитано именно для таких обстоятельств, чтобы Нагири смогла призвать остальных, если Эльдрази выскользнут из своих оков.

Закрыв глаза и оградившись от грохочущих вокруг нее скал, она послал зов в Эфир – бессловесные призывы, которые остальные испытают, как настойчивую тягу к Зендикару.

Выслав сообщение, она вновь опустилась на пол, и вновь стянула камни вокруг себя, морщась от жалящих уколов передвижений Эльдрази, впивавшихся в ее кожу через прикосновения к камням. Блокируя боль, она ждала остальных, отслеживая распространение орд Эльдрази, бегущих из Акума.

Нагири моргнула один раз, и почувствовала топот убегающих ног Зендикарцев, затем мерный марш армий, собранных сразиться с Эльдрази.

Она моргнула еще раз, и ощутила, как извивается в агонии Зендикар под натиском крупных особей из генеалогических порождений титанов, опустошавших жизнь и ману на своем пути, поглощая энергию буйного дикого мира.

Она моргнула в третий раз.

Сколько я уже здесь сижу?

Неожиданная мысль рывком вернула ее в полное сознание. На мгновение, ей показалось, что вырвавшиеся из заточения Эльдрази были подобием сна, но боль, расплывшаяся по ее коже, подтверждала, что порождения Эльдрази все еще рыскали по миру – и они разбрелись довольно далеко, пока она ждала Сорина и Призрачного Дракона.

Они не пришли. Сорин не пришел. Она была одна.

Нагири хотела – хотела, чтобы боль ушла, ей хотелось снова увидеть Сорина – и не без удивления, она осознала, что хочет сохранить Зендикар, ее мир; и всех его покинутых, бессмысленных, безнадежных жителей. Но пока она ждала, ситуация сильно ухудшилась.

Она натянула свой каменный кокон через голову и исчезла в скале, затем появилась на вершине ближайшей горы.

Эльдрази кишели в долине под ней, превращая землю в известковую пыль. Содрогаясь, она топнула ногой по скалистой поверхности горы, обрушив лавину камней, раздавившую чудовищ. Затем она вновь исчезла в скале и появилась в Онду, неподалеку от города коров, который она посещала множество раз в первые годы своей опеки Зендикара.

Эльдрази были и здесь, но сам город был разрушен – пыльные руины, давно заброшенные, явно задолго до появления Эльдрази. Взмахом руки Нагири сдвинула стены каньона, поглотив Эльдрази, прежде чем войти в город сквозь провал в осыпающейся стене.

- Я знаю эту улицу, - пробормотала она. Ее голос, так давно не используемый, звучал, как скрежет гравия. Она вспомнила торги на рынке, который был слева впереди, чтобы купить – что это было? Что-то яркое и синее, от чего она улыбалась. Мягкое.

- Шарф, - сказала она, и решила, что так оно и было.

Все удовольствия и страдания жизни потоком обрушились на нее за одно мгновение. Воспоминания затопили ее сознание – виды и звуки, и запахи суетного рынка, смех от всего сердца, вкус поцелуя любимого, жгучая горечь слез. Однажды, это было место, наполненное жизнью, место, где она жила. И она пропустила его крах.

Город изменился, еще до того, как он был покинут. То тут, то там высокие здания сменили знакомые ей уютные дома, и целый квартал был снесен и перестроен со времен, когда она была здесь в последний раз. На месте прежних жилищ теперь стояла одна громадная каменная постройка, сохранившаяся почти полностью. Преисполненная любопытством, она шагнула под фронтальную арку.

Внутри она обнаружила себя, высеченную в камне, широко распростершую руки в приветственном жесте.

Она остановилась и пристально всмотрелась в статую. Это определенно была она. Фигура была рельефно высечена в стене, одна нога выступала, словно она выходила из камня. Должно быть, это была работа мистика кователя камней, возможно, одного из ее учеников. Она провела пальцами по гладкой щеке своего каменного воплощения, и ее взгляд упал на стену, из которой выходила фигура.

Она сделала шаг назад, чтобы рассмотреть ее получше. Высеченная за ее спиной и вокруг барельефа, была еще одна фигура.

- Козилек? – проговорила она. – Погодите ка...

Но это не был титан Эльдрази – во всяком случае, не совсем. В общих чертах, силуэт напоминал Козилека, но его черты лица напоминали мужчину кора, в странной геометрической короне, похожей на таинственные обсидиановые пластины, парящие над чужеродной фигурой титана. Руки кора были широко разведены над статуей каменной Нагири, в каждой ладони он сжимал рукояти мечей, чьи широкие лезвия были направлены вдоль его предплечий к локтям, напоминая раздвоенные чресла Эльдрази.

Над головой фигуры, выгнутый аркой баннер провозглашал суть работы: «Пророчица Нагири, Голос Талиба».

Она повернулась спиной к изваянию и вышла из здания. Снаружи она подняла руки и сжала кулаки. Гигантское облако пыли взметнулось за ее спиной, где здание сложилось и рухнуло грудой обломков на землю.

Это была ее вина. Она первая назвала Козилека богом и, очевидно, коры запомнили это слово лучше, чем ее грозные предостережения о том, что боги стремились разрушить мир. Она почувствовала приступ тошноты.

* * * * *

Одно за другим, она посещала места паломнического маршрута, которому она учила древних коров, узловые точки эдровой сети. Где бы она ни выходила из камня, она находила поблизости Эльдрази. Каждый раз, она раздвигала землю, чтобы поглотить их, или вызывала обвал, хороня их под булыжниками. Убийство порождений Эльдрази не составляло труда – любой смертный был способен это сделать. Но лишь она могла прекратить их появление – точнее: лишь она, Сорин, и Призрачный Дракон. Но сейчас она была одна, и сделает все сама. Ей придется это сделать.

Нагири почти не задерживалась в Акуме. Так близко к месту ее уединения в Оке Угина, она бы конечно заметила любые повреждения сети эдров, поэтому не было смысла проверять здешние узлы. Однако Нагири решила не пропускать ничего, хотя бы из-за того, что каждое место дарило ей возможность вновь побывать в мире, который она едва не позабыла, вкусить воспоминания, всплывавшие на поверхность ее памяти от каждой новой локации.

Со временем, она пришла на одну из горных вершин, неподалеку от Ока Угина. И на том самом месте, где она учила коров испытывать прочность эдровой сети, теперь возвышалось незнакомое строение. На контрасте с гладкими камнями коровских построек, эта была возведена из грубых, неотесанных плит с громадными металлическими штырями, торчащими из щелей, загнутыми к небу. Земля здесь была взрыхлена, словно здание впилось в почву толстыми корнями, выкорчевывая булыжники наружу.

Еще снаружи она поняла, что это была именно та точка, где сеть эдров была повреждена. Прямо у нее под носом, пока она сидела в уединении Ока Угина. Ярость вскипела в ней, направленная в равной степени, как на себя, так и на того, кто это сотворил.

Ярость – еще одно забытое чувство. Ей нравилось это ощущение.

Она уверенно подошла к постройке, с каждым ее шагом земля содрогалась, ссылая пыль и гравий со стен здания. Подойдя ближе, она увидела три темных силуэта, вышедших из-за угла, припадая к земле, и принявших боевые стойки, завидя ее.

Нагири остановилась, опустилась на одно колено и погрузила руку в землю под собой. Наступающие фигуры, насторожившись, замедлив шаг. Затем, с яростным криком, Нагири вынула из скалистой почвы раскаленный добела меч и бросилась в бой.

Фигуры походили на людей, но она не узнавала в их одеянии ни одну из известных ей культур Зендикара. Тонкий газ прикрывал их торсы, обнажая яркие красные полосы, украшавшие их пепельно-серую кожу. Острые крюки выступали из их плеч и, когда они зарычали на нее, она заметила слегка удлиненные клыки.

Вампиры? подумала она. *На Зендикаре никогда не было вампиров.*

В следующий миг она настигла их, и ее светящийся меч впился в холодную плоть, орошая камни брызгами дымящейся рубиновой крови.

Нагири перешагнула через их трупы и прорвала собственный проход в грубой каменной стене. Еще больше вампиро-подобных существ отпрянуло от нее от неожиданности, вскоре, их изрубленные тела на пол, пока в просторном центральном зале не осталась стоять она одна.

В центре зала, в той самой точке, где сходились лучи эдровой матрицы, стоял массивный каменный алтарь. Потертая старая плита на его вершине была покрыта застарелой, высохшей кровью.

Нагири мельком осмотрела зал, обнаружив еще нескольких вампиров – могли ли они действительно быть вампирами? – убежавших из зала. Сбоку была установлена громадная

каменная статуя, вырезанная на подобию полу-забытого образа Уламога. У изваяния были строгие человеческие черты под шлемом, сильно напоминавшем лицевую пластину титана Эльдрази. Вместо ног, у него была масса извивающихся щупалец, весьма точно совпадавших с истинным строением Эльдрази. В обеих его человеческих руках он сжимал плечевые крюки стоящей на коленях фигуры вампира, вырезанной под статуей божества.

- Опять эти чертовы боги! – Крикнула она. – Как бы вы, идиоты, не представляли богов, титаны Эльдрази не такие.

И, тем не менее, какие бы ритуалы жертвоприношений не проводились на этом алтаре, они явно были эффективны. Слышал ли Уламог молитвы вампиров, или нет, их обряды успешно нарушили эдровую сеть настолько, что порождения Эльдрази смогли вырваться наружу.

Положив обе ладони на каменный алтарь, Нагири расширила диапазон чувств, чтобы оценить степень повреждения. Изменения сети эдровой тюрьмы были незначительными, едва уловимыми. И все же, оно дало титанам Эльдрази крошечное пространство для движения, и расширения своего присутствия на Зендикаре. Брешь, конечно, можно было залатать, но это потребует времени. И было бы гораздо проще, если бы она была не одна.

- Но на помощь никто не придет, - вслух произнесла она. – Мне бы лучше приступать.

Вздохнув, Нагири осмотрелась вокруг, в поисках камня подходящего размера. Ее взгляд осветил гротескную статую, и она улыбнулась. – Идеально.

Нагири подошла к изваянию и подняла обе руки над головой, как раз доставая до крюков на плечах вампира, где располагались ладони Уламога. Затем она потянула руки вниз, и вся статуя изменилась.

На создание эдровой сети ушло сорок лет – целая жизнь, как считала она тогда, когда все еще была погружена в связи с обычными смертными. Соорудить один единственный эдр можно было гораздо быстрее, даже несмотря на то, что она была одна. Сложнее всего будет выточить его поверхность без руководства Угина.

То, что недавно было статуей, превратилось в бесформенную каменную массу в руках Нагири, затем обрело восемь треугольных граней с острыми краями. Закрыв глаза и сделав глубокий вдох, она попыталась сосредоточиться на символах, которые ей нужно было нанести на поверхность эдра для корректного перенаправления потока маны.

Звуки шагов вокруг нее прервали ее концентрацию, и она вздохнула. Вампиры кольцом окружили ее, медленно приближаясь с длинными изогнутыми мечами в руках.

- Нам обязательно это делать? – сказала она. – Это начинает утомлять.

Один из вампиров прошипел. – Ты осквернила нашего...

- Ладно, - перебила его Нагири и обрушила на них стены здания, после чего вернулась к работе.

Она усердно проводила пальцами над каждым дюймом поверхности эдра, создавая точную последовательность символов, которой ее учил Призрачный Дракон. Когда стая Эльдрази бросилась к ней через руины здания, Нагири подняла из почвы камни, образовав замкнутый купол вокруг и над собой, отрезав себя от внешнего мира и Эльдрази. Когда их аура разложения ослабила камни, и своды купола начали осыпаться, она обрушила стены на них, и возвела новый купол.

Казалось, прошла вечность, что показалось ей странным. Нагири не знала, сколько времени она сидела в Оке Угина, медитируя, пока ее не накрыли ощущения мира. Тогда она оставила собственную жизнь и заперлась в каменном коконе. Но сейчас, когда Эльдрази вновь бурлили в ее мире, она чувствовала потребность в спешке. Отчасти, конечно, она хотела запечатать темницу Эльдрази, прежде чем погибнет слишком много людей, сражаясь с ними. Но отчасти, как теперь она понимала, ей хотелось закончить это дело, чтобы поскорее вернуться к жизни.

Вероятно, она достаточно долго просидела в коконе, и теперь была готова выйти из него, обретая новую жизнь, подобно созревшему геопиду. Возможно, горечь воспоминаний – ностальгическая тоска, и особенно страстная ярость – пробудила ее от многовекового сна и разожгла в ней новую бодрость. В любом случае, ей хотелось поскорее завершить начатое, чтобы она смогла сделать следующий шаг в своей жизни, каким бы он ни был.

Наконец, эдр был готов. Разведя руки в стороны, она разрушила окружающий ее купол и сделала глубокий вдох свежего воздуха.

Сколько я здесь пробыла? Размышляла она.

Нагири выкинула эту мысль из головы, и возвела руки вверх, плавным движением поднимая каменный эдр высоко в воздух. Одной лишь мысли было необходимо, чтобы слегка повернуть его, соединяя разрушенные лучи эдровой сети, и починить темницу Эльдрази.

Она опустилась на колени и коснулась ладонями земли. Она почувствовала, как движения титанов замедлились, и восстановленная тюрьма вернула их в летаргию. Их порождения все еще метались по миру, но с этим уже смогут справиться и простые смертные. Тревожнее было то, что реакция самого Зендикара все еще не прекратилась – не только в Акуме, как во время изначального заточения Эльдрази, но и повсюду. Землетрясения сотрясали землю и изменяли ландшафты, яростные волны изменяли береговые линии, свирепые ветры выскабливали каньоны. Зендикар содрогался от укусов Эльдрази, и Нагири подозревала, что успокоится он не скоро.

Нагири погрузилась в землю и снова появилась в Оке Угина. Прислонив ладони к узловому эдру, она удостоверилась, что сеть была восстановлена. Она подумала снова попробовать призвать Сорина и Призрачного Дракона, но ей и самой удалось исправить ситуацию. Зендикар снова был в безопасности, благодаря ее усилиям. Остальные ей уже были не нужны.

Однако, это меняло того факта, что они не пришли. Они обещали вернуться на Зендикар при первом зове, чтобы помочь восстановить тюрьму, которую она охраняла на протяжении несметных веков. Но Сорин бросил ее, и Эльдрази вновь расползлись по Зендикару.

Новые забытые чувства, тревога и беспокойство, расцвели в ее сердце, заставив улыбнуться, несмотря на причиненную боль. Они помогли ей почувствовать себя живой – дали почувствовать, как бьется в груди ее сердце, услышать его пульсации, ощутить напряжение лицевых мышц, когда она нахмурилась и сжала губы.

Чем Сорин был занят все те годы, когда она сидела в коконе посреди Ока Угина? Был ли он все еще жив? Он забыл о ней и ее бдении на Зендикаре? Подвергся ли он той же апатии, что сковывала ее все эти долгие годы?

Нагири отыщет его, разбудит, если потребует, напомнит о себе, и о Зендикаре, и о дружбе, связывавшей их когда-то, напомнит ему, каково это было – жить, чувствовать, переживать. Она спасла Зендикар, и теперь спасет его. А после этого она вернется, и будет снова ходить среди своего народа, она вновь будет учить, смеяться и любить, и это снова будет *важно*. Все это вновь обретет смысл.

Нагири нежно коснулась стены каменного зала и растаяла, раскрыв проход сквозь Сплошную Бесконечность. Стены зала превратились в мрачные скалы в безлюдной горной гряде. Она полной грудью вдохнула незнакомый воздух и шагнула в этот иной мир, готовая отыскать своего старого друга.

ЛЕГЕНДА О ТУКТУКЕ

Doug Beyer

Гротаги, Лаваходы, и Туктуки - три основных племени гоблинов на Зендикаре. Туктуки – молодое племя, образовавшееся около пятидесяти лет назад, после того, как их предводитель вернулся, так сказать, из изменившей его жизнь экспедиции.

Дело в том, что предводитель племени Туктуков не совсем гоблин. Ибо гоблин по имени Туктук давно мертв.

... Типа того.

Исследователь Туктук был гоблином, искателем приключений, смелым для своего вида и любопытным, всегда готовым спуститься в глубокие гробницы и пропасти, где Зендикар таил свои лучшие блестяшки. Он не был особенно видным бойцом или особенно харизматичным лидером, но его любопытство горело в нем, подобно яркому пламени. Он также был очень, очень туп.

Туктук знал, что единственным способом завоевать уважение в его племени было отыскать сокровище, какого еще никто не находил прежде. Поклявшись вернуться с самым потрясающим артефактом, какого ни один гоблин не видел раньше, он отправился в неизведанные, известные своей опасностью руины – потому что, как мы помним, он был очень, очень туп.

Избранные Туктуком руины пропитались тысячелетиями влияния Эльдрази. Стены были покрыты неестественными образованиями, повторявшими гравированные руны эдров, а воздух сочился незвучными стонами древних чудовищ. Туктуку было страшно, но он смело шел вперед, подгоняемый его трагической глупостью.

Туктук был убит, как только он обнаружил массивный, невероятно могущественный эдр, вплавленный в стену пещер (к сожалению), коснулся его (по глупости), и активировал древнюю рунную ловушку (неизбежно). Ловушка взорвалась темной энергией, содрал его кожу и раздробив кости – но также высвободив некоторое количество магии Эльдрази. И то, что случилось дальше, было наиболее странным.

Мистическая эдровая ловушка, разработанная для защиты целостности руин, попыталась возместить то, что только что было утрачено. Пропитанная присутствием Эльдрази магия вынула камни из стен древней пещеры и слила их воедино, в грубом подобии гоблиноида. В результате получился массивный и могущественный каменный голем, внешне напоминавший погибшего гоблина. Хотя внутренности Туктука были разбросаны по всей пещере, его разум и воспоминания оказались заточенными в камне, придав голему его внешний вид – и соединив разум Туктука с древней магией Эльдрази.

Получившееся в результате каменное существо не было Туктуком. Но в своем роде, каким-то мистическим образом, все же им было.

Когда гоблин-голем вышел из руин, его новая пугающая форма поразила и восхитила его соплеменников. Они изумились его грозным видом, его бесстрашием, его каменным мускулам. Они нарекли его Туктуком Вернувшимся, и он стал самым известным из гоблинов. В тот же день его выбрали вождем клана, который и стал называться племенем Туктуков.

БИТВА ПРИ ФОРТЕ КЕФФ

Jenna Helland

Впервые Гидеон появился на страницах приключенческого романа «Очищающее Пламя» Лауры Резник (Laura Resnick), как наемный охотник за головами, выслеживающий Чандру Налаар по всей Мультивселенной. Он достиг ее, после того, как Чандра уничтожила Святилище Звезд во время второй попытки выкрасть таинственный свиток в мире Кефалай. В то время Гидеон работал на Орден Гелиуда, религиозную организацию, желавшую смерти Чандры. Вера Гидеона в порядок была подвержена суровому испытанию, и они с Чандрой расстались в плохих отношениях.

Вскоре, он пожалел о том, как все закончилось и решил отыскать юную пиромантшу снова. Ее эфирный след давно остыл, но у него были догадки о том, куда она направлялась. Похищенный ею свиток содержал часть карты, ведущей в Око Угина, таинственное сокровище, скрытое на Зендикаре. Гидеон знал, что любопытная пиромантша не сможет устоять перед соблазном загадочности этого места. Он много путешествовал и прекрасно знал опасную репутацию Зендикара: мира, заманивавшего миромощей, и убивавшего их целым рядом жутких способов.

Чандра не была девушкой, оценившей бы его покровительство, но не в его правилах было бросать друга, даже если он был столь упрямым и сложным, как она. К тому времени, как Гидеон достиг Зендикара, отыскать Чандру уже было невозможно. И стремление Гидеона защитить слабых и невиновных втянуло его в кровавую бойню, разразившуюся в горах, близ Акума.

Следы Чандры обрывались у заброшенной горной тропы Акума, и больше он сделать ничего не мог. Гидеон уже раздумывал над тем, чтобы раз и навсегда покинуть жестокий и хищный Зендикар, но, спустя два дня выслеживания Чандры – едва не погибнув в целом ряде случаев – он был совершенно обессилен, и желал лишь одной ночи спокойного, крепкого сна, или чего-то приближенного к нему в этом негостеприимном мире.

В тускнеющем свете заходящего солнца он вернулся к обнесенному высокими стенами поселению, которое миновал ранее этим днем. Солдат у ворот не горел желанием впускать его после заката, но Гидеон указал ему на тот факт, что последние лучи солнца все еще освещали высокие скалы, окружавшие поселение. Наконец, седовласый солдат впустил его с сердитыми словами, «Добро пожаловать в Форт Кефф, самое безопасное убежище в Акуме».

Кефф не был чем-то особенным, но он действительно был неплохо защищен. Крепостной вал был возведен у входа в глубокое ущелье, таким образом, Форт был защищен скалами с трех сторон. Внутри форта, большая часть его жителей обитала в крепких жилищах, выстроенных вплотную к скалам. Исследователи, путешественники и охотники устанавливали свои палатки под отвесным утесом, защищавшим их от небесных хищников. На дне ущелья текла быстрая горная река, исчезающая в туннеле из скал – естественный запас воды, крайне необходимый для выживания убежища. Побеседовав с местными, Гидеон узнал, что Кефф оберегал известную школу лекарей, выращивавших сады на пластах почвы, возвышавшихся над подземной рекой. Население Форта было исключительно молодым – многие племена отсылали своих детей в относительную безопасность его стен.

Выторговав себе покрытую жиром мясистую лапу нарлида, Гидеон расположился рядом с покрытым шрамами путешественником по имени Тафри, предложившим ему место у костра. Они разделили ужин, Тафри оказался умелым рассказчиком, увлекая Гидеона невероятными историями о его приключениях в роли проводника Экспедиционного Корпуса Акума.

- ...И тогда руна на краеугольном камне как рванет! Хорошо, я еще успел голову убрать, - усмехаясь, говорил Тафри. Он снял кожаную перчатку и показал Гидеону ладонь с недостающим куском плоти посредине.

- Никогда раньше не видел сквозную дыру у человека в руке, - сказал Гидеон. – Да еще и, к тому же, выжившего.

- Да, та ловушка была зачарована. Думаю, чары как-то смешались с раной, - ответил Тафри. – И все же мы достали амулет. Этим чертовым ловушечникам меня не провести.

Вскоре, тон беседы изменился. Тафри начал рассказывать Гидеону мрачные истории, кочующие от одного укрытия в другое по всему Зендикару. В последнее время происходили странные вещи. Земля становилась подвижнее обычного, что о многом говорило, учитывая как сильно мир уже изменился. Гидеон успел столкнуться с Великим Валом, едва избежав колоссального смерча, пронесшегося через горную тропу, столь же неожиданно, как метель в пустыне.

- Что вызывает эти изменения? – спросил Гидеон.

- Некоторые говорят, что земля злится, - неуверенно ответил Тафри.

- А сам ты что думаешь?

Тафри долго молчал. Затем он осмотрелся по сторонам, словно ему было, что скрывать. – Ты, похоже, заядлый путешественник. Уверен, ты видел много странного. Так что, может, ты меня не осудишь, если мои слова будут слегка... запутанными. Я исследовал большую часть мира, делал вещи, которые не раз снились мне в кошмарах. Но то, что я видел пару дней назад...

Тафри умолк, он побледнел, и его руки задрожали. Озадаченный Гидеон передал ему флягу воды. Тафри сделал долгий глоток и лишь после этого продолжил рассказ.

- Я не часто ухожу в дикие места в одиночку. Лучше, конечно, с друзьями. Но я знаю здешние горы. Я охотился на вепря в джаддиевой роще, у самой Острозубой Гряды. Неожиданно мир померк. Не так, как опускается ночь, а, словно, меня швырнули в гроб и оставили там умирать. И все же, это был не сон. Признаюсь, я запаниковал. Бежать наощупь было чертовски глупо, и я врезался во что-то твердое. После этого я ничего не помню... пока не пришел в себя на поле из плоти.

Гидеон удивленно вскинул голову. – Плоти? В смысле, кожи?

Тафри отпил от фляги снова. – Знаю, это звучит неправдоподобно, но роща превратилась в пространство из мяса и костей, смешанных с этой желтой пылью, от которой жгло глаза и ноздри. Пыль, от которой горизонт светился шафрановым светом. Комья из крови и волос прилипли к моей одежде, но сам я ранен не был. Мне пришлось брести по колено в этом кровавом месиве, пока я не достиг вершины холма. Взобравшись на него, я увидел, что мир по ту сторону все еще был чист. Но то, что простиралось за спиной, было невообразимым... безумием.

Гидеон обдумал его рассказ. – Это была не иллюзия?

Тафри жалобно покачал головой. – Я все еще чувствую вкус крови. Пыль впиталась в кожу. Я не могу не думать о том, чья это раньше была плоть.

В ту ночь Гидеону снилась Чандра, охваченная белым пламенем. Она кричала. Нет, понял он, крики раздавались за пределами его сна – животные крики страха и боли. Гидеон вскочил на ноги прежде, чем полностью проснулся. Было еще темно, но люди уже толпились вдоль края ущелья, наблюдая за раненым существом, хромающим по речному берегу. Это был крупный, мускулистый гуманоид с выступающим лбом и широкими сутулыми плечами. Его черты напоминали водоплавающее, хотя он явно не был похож на мерфолков, которых Гидеон встречал на

Зендикаре. Сбив его с ног дубинами, солдаты набросили на вопящее нечленораздельным языком существо утяжеленную сеть.

- Ты видел подобных существ прежде? – спросил Гидеон у Тафри, появившегося за его спиной.

- Это сурракар, - ответил Тафри. – Они в основном живут в Бала Геде, далеко отсюда. Не представляю, как его прибило здесь.

- Он разумен? – спросил Гидеон, наблюдая, как солдаты подтащили подавленного сурракара к деревянной клетке у ворот и грубо втокнули внутрь.

- Нее, это просто звери, - махнул рукой Тафри.

Гидеон подождал, пока толпа ни разошлась, и он ни остался наедине с сурракаром. Дыхание животного было неглубоким и затрудненным, оно пристально смотрело на него своими маленькими черными глазами. Однако в его темных зрачках явно были видны эмоции и разум, и Гидеону стало жаль существо, чья единственная вина состояла в том, что он, очевидно, всплыл не в том месте и не в то время.

Гидеон уже повернулся уходить, как вдруг когтистая лапа существа просунулась между прутьями и крепко сжала руку Гидеона.

- Боги идут, - прошипел сурракар. – Убей меня.

* * * * *

Гидеон не сомневался, что капитан стражи Кеффа был честным человеком, серьезно относившимся к своим обязанностям. И все же, Гидеон умудрился разозлить его, несмотря на все усилия оставаться дипломатичным в стремительно ухудшающейся ситуации. Беженцы прибывали в уже переполненное убежище все утро. Затем, в полдень, к воротам подошла большая группа женщин и детей – многие из них были ранены, и абсолютно все до смерти напуганы. Они сбежали из деревни, пока их мужья и отцы погибали, сражаясь с чем-то, что они называли «демоническими насекомыми». Казалось, все они были не в своем уме, что капитан отнес к страху, но Гидеон подозревал, что дело было гораздо серьезнее.

Именно это он пытался донести до капитана, отказывавшегося слушать Гидеона и его рассказы о «говорящем сурракаре».

Гидеон проклинал провинциальную узколобость капитана. Конечно, в том не было его вины. Но Гидеон не мог четко объяснить, почему информация сурракара была столь важна. Он провел несколько часов, пытаясь пообщаться с этим существом. Из его рудиментарных слов выходило, что «боги», которым он когда-то поклонялся, были не из этого мира. Они были вырваны из пустоты без цвета, без времени, и без границ. И, если их не остановить, боги «сожрут мясо и выплюнут кости» со всего сущего. Это явно был грубый перевод, но Гидеон уловил его суть.

И лишь Мироходец, такой, как Гидеон, понимал значение этих слов.

- У меня дети уже из ушей лезут, - вскипал капитан. – Провианта почти нет. Лишь горстка здоровых мужчин. И демонические насекомые спускаются с гор и намерены перебить нас всех. А ты хочешь, чтобы я поговорил с рыбоголовым? Если не отвалишь от меня, сядешь с ним в одну клетку!

- Сир, - сказал Гидеон, - я сомневаюсь, что это демонические насекомые...

Краснолицый капитан предупредительно поднял руку. Гидеон вздохнул. – Если Вы не хотите меня слушать, то хотя бы позвольте помочь. Я не раз бывал на поле боя.

Капитан устало улыбнулся. – Теперь мы говорим на одном языке.

Нападение началось с желтой пыли. Тошнотворное облако накрыло убежище, как только рабочая бригада завершила укрепление внутренней стены. Гидеон находился в сторожевой башне, когда облако окутало его. Он упал ниц на платформу и закрыл лицо рукой. Гидеон мучительно вдыхал насыщенный песком воздух, едкий вкус крови заполнил его рот, точно, как описывал Тафри. Неприятные воспоминания о горящих телах, всплыли в памяти Гидеона. Пыль была подобна пеплу от еще пылающего жертвенного костра.

Когда худшая часть миновала, Гидеон с трудом поднялся на ноги и увидел, что враг уже был у ворот.

Десятки странных существ кишели под стеной. Некоторые передвигались на двух ногах, волоча длинные когтистые отростки рук по земле. Другие ползали на четырех лапах, с множеством конечностей и щупалец, торчащих из случайных участков их мембранных тел. Странные чудовища издавали мерзкие, глухие стоны, испытывавшие решимость Гидеона. Существа, казались, наполовину разложившимися, их плоть была рассечена ассиметричной сеткой. Тела их тускло светились пастельными оттенками, словно в насмешку над их кошмарной природой.

Чудовища врезались в крепостную стену, покачнувшуюся под ногами Гидеона. Лучники на платформе пришли в чувства, и залп за залпом орошали чудовищ стрелами, которые, однако, входили в тела чудовищ, как нож в масло, ничуть не замедляя их натиск. Если Гидеон ничего не предпримет, Форт Кефф падет. Гидеон снял с пояса сураль, много-лезвенное оружие, похожее на кнут. Он сосредоточил разум, пока весь страх не растворился и учения его наставника ни заполнили его память. Сконцентрировавшись, он бросился вниз, в самую гущу сражения.

Я центр, думал он, превращая ману в подобие битого стекла в его венах. Как говорил его учитель: Сила и жертвенность могут существовать лишь вместе, подобно глазу и зрению. Свет окружает моих врагов, и они не видят ничего, кроме меня. Если чье-то сердце и остановится, то лишь мое.

Когда вода стекает в воронку, она неизбежно течет вокруг ее оси. Так было и с Гидеоном, когда чудовища обратили все свое внимание лишь на него. Магия Гидеона громко звенела в его разуме – необходимое отвлечение от их потусторонних воплей, ударов, проходивших по его незащищенным участкам кожи, и любых эмоций, способных рассредоточить его. Он так быстро орудовал лезвиями своего оружия, что сам воздух стал подобен его сурали. *Боль, думал он. Я ее чувствую, но она не способна сломить меня. Смерть. Если она придет сейчас, так тому и быть.*

Крики солдат на стене прорвались в его сознание, когда груды розовой, окровавленной плоти выросли вокруг него со всех сторон. Вскоре сураль остановилась, и Гидеон остался стоять на израненных, трясущихся ногах. Избитый, изможденный, но живой.

Так гласит учение, снова напомнил он себе: Боль желанна. Смерть неизбежна. Честь – единственное наследие, которого должен желать мужчина.

Радостные выкрики слышались из форта. Вербочная лестница была сброшена сверху, и благодарные жители помогли Гидеону взобраться обратно на платформу. Форт Кефф был спасен.

И тогда на горизонте показалось оно.

* * * * *

Однажды, Гидеон потребовал от наставника рассказать ему больше. Больше о Сплошной Бесконечности. Больше об иных мирах. Больше обо всем. Его учитель рассмеялся: *Никто и никогда не сможет постичь всего того, что ему неизвестно.*

Здесь, сейчас на горизонте было все, что было неизвестно Гидеону. Парализующее разум, нереальное, 150 футов в высоту... порождение безумия. Оно парило над землей, его щупальца волочились по пейзажу, превращая все, чего они касались в голые кратеры. Вдали Гидеон видел пульсации в воздухе вокруг этого существа, подобно ударным волнам энергии, вибрациями исходящие из его центра. Горы осыпались, словно песчаные. Красная энергия покидала скалы, небеса тускнели, утрачивая синеву. Жизнь сменялась пустотой.

Вздвогнув от осознания, Гидеон признал, что не сможет в одиночку одолеть эту силу. Даже самый могущественный маг бы превратился в пепел на ветру. Засвидетельствовав явление «бога», Гидеон отбросил всякие сомнения в правдивости слов сурракара. То был сам хаос Сплошной Бесконечности воплоти.

Рядом с ним капитан стражи рухнул на колени и тихо запричитал. Гидеон рывком поднял его на ноги и силой отвернул от вида колоссального существа, возвышавшегося на горизонте.

- Выпусти сурракара. Он выведет вас отсюда по подземной реке. Возьми всех и беги!

- Но куда нам идти? – вскричал солдат.

- Как можно дальше, - ответил Гидеон. – Я иду за подмогой.

С вершины стены, Гидеон подождал, пока последние выжившие не скрылись из вида. На мгновение, он метнул взгляд в сторону лениво плывущего по горизонту чудовища – уничтожающего все на своем пути. Титанический монстр безжалостно стирал все живое в пыль. Его действия казались лишеными всякого смысла. Чудовище было неумолимым, бездумным, и очевидно, неодолимым.

Гидеон знал, что потребуется много ему подобных для противостояния этой угрозе. Он слышал о некой организации, работавшей меж мирами. Организации Мироходцев. Он отправится в Равнику и отыщет их. Оставалось надеяться, что когда они вернуться, от этого мира еще что-то останется. Гидеон прошептал клятву вернуться и покинул Зендикар.

НИССА, ПРОБУДИВШАЯ МИР

Adam Lee

Эльфийка Мироходец Нисса Ревайн вела непростую жизнь. Она была неоднократно изгнана из родного племени, Джорага, а искра Мироходца еще больше отделила ее от сородичей. Она путешествовала в различные миры, стараясь понять основу эльфийской ответственности за природу, но всегда возвращалась домой, на Зендикар.

Мирная жизнь, которую ей удалось отыскать для собственного спокойного существования, рухнул в пробуждением чудовищных Эльдрази. Эти необъятные, вселенские существа, пожиратели целых миров, были заточены на Зендикаре много тысяч лет назад. Отчаянно желая спасти родной мир, Нисса взломала замок, удерживавший Эльдрази на Зендикаре. Она надеялась, что Эльдрази, освобожденные от оков, уйдут в Мультивселенную. Их угроза распространится на другие миры, но Зендикар будет спасен.

Это не сработало.

По крайней мере, один из трех титанов Эльдрази остался на Зендикаре, угрожая всему живому полным уничтожением. Нисса осталась противостоять Эльдрази, но опасается, что это безнадежно. Для того чтобы одолеть чудовищ, опустошающих мир, все живое на Зендикаре должно сражаться, как единое целое...

Нисса открыла глаза.

Дым и пепел клубились над ней, очнувшейся посреди хаоса. Нисса лежала на спине, чувствуя грохот и толчки земли под собой. Она осмотрелась по сторонам, ее разум пытался зацепиться за что-нибудь знакомое. Нисса слышала крики, но они были искажены, словно, внешний шум был эхом в длинном туннеле. От давления у нее звенело в ушах. Она с трудом моргнула, и затем, кусочек за кусочком начала вспоминать. Эльдрази напали на Джорага. Огромный выброс энергии. Уламог вернулся.

Затем, все это захлестнуло ее сознание головокружительной волной. На ее племя напали. Многие погибли.

Как только ее зрение прояснилось, Нисса разглядела изуродованные тела эльфов среди выкорчеванных с корнями деревьев. Бесформенные трупы Эльдрази были также разбросаны повсюду, дымящимися останками мерзких порождений Уламога.

Ей нужно встать.

Нисса попыталась подняться и снова рухнула на землю – ее ноги были придавлены. Ствол дерева был расколот пополам, и теперь лежал над ней. Нисса боролась с массивной веткой, подобно пойманному в капкан зверю, пока боль не пронзила ее, заставив произвольно закричать. Не успела она перевести дух, как серия отрывистых неестественных звуков рассекла прокопченный воздух откуда-то сверху. Нисса зажала ладонями рот и лежала неподвижно, как камень, вслушиваясь в щелкающие звуки вокруг себя. Она ничего не могла разглядеть, но знала, что источник жутких звуков был совсем рядом. Его голос вибрировал в ее костях. Он охотился, и она была его жертвой.

Нисса попыталась прощупать ману, чтобы призвать кого-нибудь в помощь, но она была опустошена. На переход в иной мир не было сил. Все, чего ей удалось добиться, это небольшого свечения целебной энергии, чтобы заглушить боль, но оно высушило последние остатки ее ресурсов. Нисса обессиленно откинулась на землю, уже превратившуюся в жижу из ее крови. Отчаявшись, она крикнула вслед убежавших от Эльдрази силуэтам эльфов и животных, но ей никто

не ответил. Вкус земли и пепла пропитал небо и горло Ниссы, пока она с усилием пыталась дышать. Она чувствовала, как жизненные силы покидали ее с каждым сердцебиением. Затем она увидела массивный силуэт Уламога, подобно грозовому облаку вырастающий над расколотыми деревьями, затмевая тусклый свет зендикарсокого солнца. Когда его тень накрыла ее, Нисса услышала кристаллический хруст, с которым он пожирал жизнь ее родного мира, оставляя после себя тотальное опустошение. Она уже ощущала его мерзкую вонь, и чувствовала конвульсии желудка.

Слезы текли по щекам Ниссы, пока она завороченно смотрела на клубящийся, пропитанный дымом воздух, ожидая собственной смерти.

Человеческое лицо, вымазанное грязью, с обезумевшим взглядом показалось из-за поваленного ствола дерева. Нисса была слишком слаба, чтобы шевельнуться. Человек крикнул через плечо, перекрикивая приближающийся жевательный треск титана Эльдрази.

- Бакут! Алира! Сюда!

Он повернулся к Ниссе. Его мозолистая рука коснулась ее лица, и Нисса ощутила, излучаемую им, живительную силу.

- Не умирай. Мы вытащим тебя.

- Благослови тебя Кални, - пробормотала Нисса и провалилась во тьму.

* * * * *

Нисса очнулась среди незнакомых запахов и звуков. Ее ноги пронзила боль, когда она осторожно пошевелила ими и огляделась по сторонам. Нисса была слаба, но чувствовала, как понемногу силы возвращаются к ней.

Она услышала приближающиеся шаги. Створка тента приподнялась, и в палатку вошел крупный, темнокожий человек, вытащивший ее из-под дерева.

- Ты очнулась. – Улыбнулся он. – Это хорошо.

- Где я? – спросила Нисса.

Не доверять никому. Несмотря на то, что этот человек спас ее, старые инстинкты Джорага никуда не делись.

Нисса чувствовала себя уязвимой, лежа обнаженной под теплыми меховыми шкурами, понимая, что ее сила вернется еще нескоро.

Человек ощутил ее нервозность и поднял руки.

- Спокойнее. Ты все еще не здорова. – Он поднял ее одежду со стоящего рядом табурета и положил рядом с ней. Он двигался медленно и осторожно, стараясь ее не пугать. – Ты в одном дне пути от Джалеша. Меня зовут Хамадай. Здесь ты в безопасности.

- Мое племя...

Нисса побледнела от воспоминаний, но заставила себя задать вопрос.

- Ты видел, что стало с моим племенем?

Хамадай взглянул на нее и сказал то, что она и без того знала. – Там был Уламог. Долина, лес. Эльдрази оставили после себя лишь золу. Прости, но из того, что я видел, Джорага больше не существует.

* * * * *

Нисса пробиралась сквозь лес. Ноги все еще казались деревянными, но их сила постепенно возвращалась. Было приятно снова чувствовать вокруг течение леса, подобное пышному гобелену из зелени. Хамадай шел позади нее и, для человека, передвигался почти бесшумно.

- Туда, наверх, - сказал он.

Нисса взглянула сквозь плотные заросли леса и увидела скалистый выступ высоко над ними, где деревья уступали пространство граниту горы.

- Тот утес, наверху? – уточнила Нисса. – Ты, должно быть, высокого мнения о своем лечении, друид. – Она приподняла брови, посмотрев на Хамадаю, улыбнувшегося ей в ответ.

- Я высокого мнения о твоей воле, Шайя, - ответил Хамадай.

- Очень мило с твоей стороны, - с ухмылкой сказала Нисса. – Что значит *Шайя*?

Хамадай усмехнулся. – Потом расскажу... Шайя.

* * * * *

Они сидели на утесе, осматривая лес под собой, и ели орехи, сушеные фрукты, и корни чакри. Нисса чувствовала, как энергия корня успокаивала ее изможденные мышцы.

- Ты был очень добр ко мне, Хамадай, - нарушила молчание Нисса. – Благодарю тебя.

- Теперь иные времена. Дни, когда зендикарцы сражались друг с другом прошли, - ответил Хамадай, передавая Ниссе еще еды. – Понадобились чудовища, как Эльдрази, чтобы научить нас жить в мире. Либо они хорошие учителя, или мы упрямые ученики, верно? – Рассмеялся он.

- Думаю, в каждом живет племенной дух, потребность отделиться и обособиться. – Нисса взглянула на колышущийся под ними лес. – Джорага вдалбливали это в нас с самого рождения. Слова «Не доверяйте чужакам», мне кажется, я слышала... вечно. Но я прошла долгий путь, Хамадай. Я слишком много повидала, чтобы столь узко рассматривать жизнь. И та доброта, которую ты проявил ко мне, тоже сыграла свою роль.

Хамадай улыбнулся, задумчиво разглядывая кусочек высушенного фрукта, который он вертел в руке. – Я родом из Грейпелта, у самого края великого Криволесья. – Хамадай закинул фрукт в рот.

- Мне очень жаль, Хамадай, - сказала Нисса. – Я знала твой народ. Я бывала в ваших землях.

- Мир тесен, Шайя, - сказал Хамадай. – Как ты знаешь, мы были хорошими охотниками и проводниками, но жили мы тем, что запасали ману. Наша магия была связана с землей и деревьями, она давала нам больше, чем мы когда-либо сможем ей возместить.

Хамадай прислонился спиной к камню и отпил из бурдюка.

- Многие экспедиционные дома, охочие до маны, приходили к нам торговать. В те времена, наши животы и карманы были переполнены. Наши тенты были теплы. Мы думали, что достигли вершины, *самой* вершины, но все это оказалось самообманом. Мое племя, экспедиционные дома, все мы были слепы.

Хамадай поставил бурдюк на землю и продолжил.

- До нас доносились слухи о разрушительности титанов, но мы не верили в них. Как можно было поверить во все это, не видя собственными глазами? Мы никогда не думали, что Эльдрази придут и в наши земли и уничтожат наш народ. – Вздохнул Хамадай. – Мы близорукие и недолговечные существа, Шайя. Теперь, когда я сам увидел титанов, я понимаю, что существуют вещи, существующие за рамками самых буйных наших фантазий. Как мы могли подготовиться к подобным вещам?

Хамадай на мгновение опустил голову, затем взглянул на Ниссу.

Но Нисса не могла смотреть ему в глаза. Слушая его рассказ, в ней возрастала боль, комом подступавшая к ее горлу. Она несла ответственность за все это, за все его потери и за все опустошение Зендикара. Хамадай вытащил ее, эльфийку Джорага, из верной гибели. Он рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее. А она была причиной всего этого ужаса. Темные воспоминания из самых кошмарных уголков ее памяти начали вкрадываться в сознание Ниссы. Все ее ошибки, каждый ее глупый выбор, ее эгоизм и высокомерие, вливались в нее свинцовым грузом. Она увязла в паутине своего прошлого, наполненного телами тысяч невинных жертв Эльдрази. Она могла всех их спасти.

- Хамадай, - сказала она, обняв свои колени. – Мне очень жаль.

* * * * *

Нисса следовала за Хамадаем, Бакутом, Алирой, и парой близнецов кóров по горной тропе. Она чувствовала под ногами беспокойство Зендикара, словно громадный, еще не рожденный зверь шевелился в его чреве. Она видела огромные горные глыбы, парящие и вращающиеся вдали над тропой.

- Нам нужно лезть вверх. Гравитационные поля, - сказала кор по имени Кали. Ее брат близнец Ша'хил, казалось не говорил вообще, предпочитая речи жесты рук или молчание.

Кали и Ша'хил сняли свои рюкзаки. Ша'хил вынул веревки, крюки и ремни, передал их сестре, и она закрепила снаряжение на Хамадае, Бакуте, Алире, и Ниссе.

- Ты когда-нибудь восходила по парящим скалам, Джорага? – спросила Кали Ниссу, застегивая ремень ее снаряжения.

- Ненавижу отрываться от земли, - ответила Нисса. – Но Эльдрази я ненавижу еще больше.

- Тогда просто представляй, как вспарываешь эту мерзость, и все будет хорошо. – Улыбнулась Кали, туго затянув кожаный ремень и заведя двойную веревку в металлическое кольцо, надежно присоединив Ниссу к Ша'хилу. – Теперь ты в руках брата, Джорага, но не думай, что он тебя просто прокатит. Следуй его примеру. – Кали отошла проверить снаряжение Хамадая и других двух людей. Ша'хил с каменным лицом взглянул через плечо, затем подмигнул Ниссе, и продолжил затягивать узлы и наматывать веревки.

Как только все были снаряжены и закреплены, группа шагнула в гравитационные поля. Тело Ниссы швырнуло в сторону и оно вознеслось, несомое мощью гравитационных волн. Вскоре вся группа парила в воздухе. Нисса чувствовала себя неуклюжей и неповоротливой, как новорожденный болоторог, наблюдая за тем, как Кали подплыла и закрепила крюком всю цепочку к парящему валуну - ее движения были плавными и расслабленными. Якорные веревки группы натянулись, и один за другим они поплыли за валуном, привязанные тонкими, но прочными коровскими веревками.

Кали вела их лабиринтом парящих булыжников. Нисса наблюдала за общением брата с сестрой набором замысловатых жестов, пока вся группа углублялась в гравитационное поле. Десятки массивных валунов двигались хаотично, сталкиваясь и вращаясь. Кали и Ша'хил вели отряд, умело и с легкостью пробираясь сквозь препятствия. Их веревки казались волшебными продолжениями их рук, когда они метали крюки к проплывавшим мимо скалам или запрыгивали на новые валуны. Нисса и раньше видела работу коров с почтительного расстояния, но до сих пор ей не доводилось оценить их искусство и знание пульса и течений Зендикара.

Когда солнце достигло зенита, они остановились, подвешенные на веревках между тремя парящими над каньоном валунами. Алира отметила, как тихо и мирно было все вокруг за мгновение до того, как крик эхом отразился от окружающих их камней. Нисса повернула голову, чтобы обнаружить его источник, но звук отражался со всех сторон; она не могла сориентироваться, пока Кали не свистнула и не указала вниз. Далеко под ними, Нисса рассмотрела Прорезателя – порождение Уламога – появившегося из-под земли перед разбежавшейся группой путешественников. Нисса не могла определить, были ли это люди, эльфы, или коры, но это сейчас не имело значения. Ее взгляд замкнулся на Эльдрази, и все чего она желала, это его смерти.

Нисса взглянула через плечо и увидела, как Ша'хил вынул нож и одним плавным движением перерезал свои якорные веревки. Она услышала, как лопнули упругие волокна, и Ша'хил в свободном падении устремился к земле.

- Этот подонок мой, Ша'хил! – Выкрикнула Нисса, отстегнув зажимы и вывернувшись из снаряжения.

Энергия волной поднялась в душе Ниссы, и из ближайшего валуна во взрыве бурной растительности вырвались вьющиеся стебли лозы, крепко вцепившись корнями в скалу. Нисса призвала их к себе и устремилась к земле на сплетении лиан и стеблей. Под ней, Ша'хил раскрыл складной планер и устремился к Эльдрази, держа в руках веревку с крюком, пока Чудовище поднималось из-под земли в клубках пыли и осколков камней.

С десятков путешественников были разбросаны в разные стороны в тех местах, где Прорезатель поднял в воздух громадный кусок земли. Другие стояли пораженные увиденным. Несколько человек в панике разбежались. Прежде чем кто-нибудь успел пошевелиться, Прорезатель схватил нескольких членов экспедиции и раздавил в своей мерзкой щупаличной руке.

Ша'хил низко спикировал и вонзил якорный крюк в кожистое брюхо Прорезателя. Эльдрази махал конечностями, пытаясь прихлопнуть кора, пока тот провел серию узких спиралей, сбрасывая опутывающую веревку. Затем Кали пронеслась мимо многочисленных щупалец Эльдрази,

проведя еще одну петляющую веревку. Монстр махнул ей вслед, пока уцелевшие воины экспедиции выпускали в него стрелы в надежде попасть в какой-нибудь жизненный орган.

- Веврки его не сдержат, Джорага! – Выкрикнула Кали, направляя свой планер к укрытию в скалах и исчезая из вида. – Сделай что-нибудь!

Нисса приземлилась на бегу. Она чувствовала возрастающую в ней энергию, и дикая улыбка искажала черты ее лица. Она собиралась уничтожить это потустороннее уродство. Оно заплатит за все. Дважды.

Веврки кóров лопнули под давлением громадного чудовища, освободившегося из пут, но все звуки заглушил душераздирающий грохот оживающей земли. Зеленое пламя вырвалось из тела Ниссы, опалив почву. Она чувствовала, как разбух ее запас энергии, и она опустошила его весь разом в одном заклинании. Массивный элементаль, состоящий из нескольких громадных кусков окаменевшей почвы, вырвался из стены каньона в облаках пыли. Эльдрази повернулся, и тяжелые руки из скал, корней и почвы сомкнулись вокруг его шеи.

Нисса влила в элементаль всю энергию до последней капли, сдавливая Эльдрази вместе с болью ее прошлого. Нисса стиснула зубы. Она не позволит больше подобным чудовищам существовать в ее мире. Она больше не будет простым наблюдателем. Зендикар наполнил ее душу, и его сила сосредоточила ее волю. Эльдрази боролся и царапал земляного гиганта когтями, но элементаль лишь сдавливал хватку. Нисса призвала еще двух элементов из грохочущей почвы. Массивные громадины обступили извивающегося Эльдрази, изрыгающего отрывистые неестественные звуки, рассекавшие воздух, но его крики вскоре оборвались, когда двое громил измолотили Прорезателя в кишашую массу тошнотворной плоти.

Когда пыль вокруг них улеглась, Ша'хил взглянул на Ниссу.

- Ничего себе.

* * * * *

Кали, Алира, и Бакут оказывали помощь выжившим членам экспедиции, пока Ша'хил изучал громадный труп Прорезателя. Хамадай спустился по длинным стеблям лозы и лиан, и Нисса встретила его на земле.

- Я знал, что земля отвечала тебе, - смеясь, сказал Хамадай. – Но я не думал, что она еще и *рычит* тебе в ответ!

- Не буду врать, Хамадай, - ответила Нисса, вытирая пот со лба. – Это было *непередаваемое* чувство.

- Зендикар хочет освободиться от этих чудовищ. Он дает тебе свою энергию, невиданной мощи. – Хамадай похлопал Ниссу по плечу. – Он выбрал тебя, Шайя.

- Ты расскажешь мне, что значит это слово? – спросила Нисса.

Хамадай широко улыбнулся.

- Оно значит «Пробудившая мир».

СНЫ ПРОКЛЯТЫХ

Nik Davidson

Демон Об Никсилис окутан таинственностью. Мы не знаем истоков его происхождения – откуда он пришел, и даже, всегда ли он был демоном. Мы знаем одно: Он был Мироходцем, пока не был лишен своей искры и заточен на Зендикаре много тысяч лет назад. С тех пор, он постепенно разработал план возврата своей силы и бегства.

Демоны не спят.

Я, конечно, помню, что такое сон. И помню первые ощущения от своего небольшого утешительного приза, осознания того, что мне больше не нужно жертвовать треть жизни на смехотворные ограничения смертных. Это тело почти не чувствует боли. Оно не устает. Но это лишь дало мне больше времени наедине со своей яростью. Я был завоевателем. Я и *сейчас* завоеватель. И все же, я претерпел два поражения подряд. Первое лишило меня моего тела. Второе – моей искры.

В юности я считал себя неуязвимым. Я полагал, что *доказал* свою неуязвимость. Завоевать первый мир, сложнее всего. Моя сила росла, когда я переходил от мира к миру, захватывая все, что облегчало бы последующие завоевания. Когда я услышал о Вуали, она показалась мне слишком могущественным трофеем, чтобы от нее отказаться. Я был глуп. Подобное оружие может лишь уничтожить того, кто им владеет.

* * * * *

Глубоко под землей, демон трудился в полной тишине. Пещера была освещена лишь тусклым светом рунических надписей, выгравированных на десятках эдров, установленных вдоль стен. Он провернул эдр на несколько градусов и проговорил заклинание. Руны вспыхнули ярким оранжевым светом, но быстро потускнели вновь. Он провернул второй эдр, повторил заклинание, наблюдая, за очередной вспышкой рун. На этот раз свет продержался едва уловимо дольше. Демон нацарапал что-то на каменном полу своим обсидиановым когтем и перешел к третьему эдру.

* * * * *

Познать свободу Мультивселенной, и быть ее лишенным – это гробница. Знать о существовании бесконечных миров, которые можно бросить к ногам, пить из источников невысказанной силы... и в следующий миг все пропало. Все это. И я увяз в этом отвратительном мирке, восседая над этой колонией ничтожных насекомых, недостойными даже того, чтобы ими правили.

Когда вся глубина этого факта осела в моем сознании, я впервые пожелал уснуть. Я желал устать, желал отдыха, желал окончания этих мучений, хотя бы на пару прерывистых часов. Но этому не дано случиться.

Что же делать, чтобы скоротать время? Жители этого мира меня не увлекают. Здешние люди либо трусы, либо бродяги. Я охотился на них, играл с ними. Скука. Эльфы примитивны, но, по крайней мере, они готовы сражаться. Их кости хрустят, как у мелких птиц, на которых я когда-то охотился, так много веков и миров тому назад. И совсем уж немного гоблинов можно раздавить, прежде

чем это дело утратит свою прелесть. Ну, большую часть своей прелести. Они довольно смешно визжат. И еще эти коры. Они избегают меня. Я избегаю их. Потому что в каждом из их самодовольных, выбеленных лиц, я вижу ее.

Самозваную защитницу Зендикара. *Нагири*.

* * * * *

Глубоко под землей пробудилась энергия. Магические лучи, погребенные под несметными тоннами камней и почвы, медленно ожили, открывая проход. Бледный зеленоватый свет вырвался из глубин, и демон плотно прижал крылья к спине, чтобы втиснуться в узкую брешь.

* * * * *

Могло ли существовать более жалкое место во всей Бесконечности? Меня влекло сюда, как и ко многим другим мирам. Здесь насыщенная, мощная мана. Но весь этот мир – ловушка. Я полагал, что с обретенной здесь силой, я смогу снять свое проклятие, сжечь эту инфекцию и восстановить свое тело. У меня не было ни единого шанса. Я едва успел сориентироваться, как она напала на меня.

Она не проявляла ни капли эмоций. Ни малейшего намека на жалость. Ее сковывающая магия была не похожа ни на что, с чем я сталкивался прежде. Это даже нельзя было назвать сражением, и я не успел даже вскрикнуть, как она всадила в меня эдр.

В это мгновение все померкло.

* * * * *

Каменные своды прохода вздрогнули, и раскрошенные камни осыпались на спину демона. Стены по обе стороны неожиданно сдвинулись. Недра Зендикара обнаружили вторженца, и сами камни стремились раздавить его. Он выкрал мгновение, упершись руками в стенки прохода, и пробормотал быстрое заклинание. Жизненная энергия камней испарилась, анимирующая их сила ослабла, и твердая почва подземелья идеальной сферой осыпалась вокруг согнутого силуэта демона. Сквозь узкие щели закрывшегося прохода, был все еще виден манящий зеленоватый свет. Демон принялся рыть землю.

* * * * *

Мое проклятие остановилось. Зов того далекого места просто исчез. Но вместе с ним, исчезла и вся моя сила. Когда я, наконец, смог подняться с земли, кости в плечах треснули. Мои крылья были бесполезны – они отпали пару дней спустя. Проклятый артефакт, который она всадила в меня, сделал меня ничтожным. Слабым. Этого я ей никогда не прощу. И за это, однажды, я отомщу.

Все это произошло много веков назад. Я никогда больше ее не видел. Но я помню ее лицо, как если бы это было вчера.

Некоторые местные вампиры способны жить так долго, но у них хватает здравомыслия либо сходить с ума, либо забывать. Знала ли она, что сделав это со мной, она сохранит мне рассудок? Со временем, мне стало ясно, что этот эдр в моей голове, был артефактом великой силы.

Сила. Универсальный язык.

* * * * *

Демон неделями царапал камни. Целыми днями он медленно прорывался сквозь гораздо более плотные слои почвы. Воздух в этом крошечном каменном мешке был разряжен, и восполнялся он лишь благодаря небольшой рунической сфере, которую он отнял у торговца мерфолка. Дважды он останавливался, ожидая, когда отрастут его сточенные когти. Чем ближе он приближался к источнику света, тем быстрее он восстанавливался.

* * * * *

Я веками изучал эдры. Я знаю их магию лучше любого, кроме того, кто их создал. И когда какой-нибудь Мироходец являлся сюда, я взял за правило проводить ему экскурсию. Посетителям этого странного нового места был нужен проводник; им нужна информация. Я был рад помочь. За все эти годы они приходили десятками. Я рассказывал им о своем состоянии. Я выпускал информацию за пределы этой выгребной ямы. И, конечно, какое-то высокомерное дитя, наконец, заглотило мою наживку.

Один из самых важных уроков, необходимых завоевателю, состоит в том, что когда другие считают себя умнее тебя, ты должен позволить им верить в это. Вплоть до тех пор, как они прекратят верить во что-либо. После многих лет ожидания, какой-то самонадеянный молокосос Мироходец явился разыскать меня; чтобы убить и вытащить эдр. Сотни лет планирования этого дня, и все, что мне теперь оставалось, это сосредоточиться на правдоподобном сражении, чтобы не вызвать подозрений. Я не сомневался, что этот день наступит.

Все, что мне было нужно, это просто валяться в болоте, и пытаться не засмеяться.

* * * * *

Глубоко под землей демон осторожно протянул руку к крошечной сфере жизни. Он поднял горсть земли с небольшим цветком, сияющим зеленым и золотым светом в его грубой ладони. Цветок источал энергию, тепло, и здоровье. Древние проходы резко распахнулись, и демон, осторожно прижимая цветок к груди, отправился на поверхность, его хохот эхом отражался от каменных стен.

* * * * *

Эльдрази и их порождения буйствуют повсеместно. Трудно не восхищаться эффективностью, с которой они уничтожают и разлагают все вокруг. Время от времени, я представляю, сколько бы всего я бы смог совершить с подобной армией. Не важно. Какие-нибудь заблудшие души

непременно явятся сюда, чтобы сразиться с Эльдрази. Они не смогут удержаться. Герои, как муравьи, набрасываются на выброшенные сладости. Когда они придут, им нужно будет узнать то, что знаю я. Для этого были созданы эдры – несравнимое оружие, а я, возможно, единственный из живущих, кто знает, как они работают.

Но я также знаю, для чего еще их можно использовать.

Сила возвращается ко мне. Я почувствовал, как этот мир содрогнулся, после уничтожения Бала Геда. В тот миг, я вновь ощутил запах Мультивселенной. Моя искра совсем рядом. Я знаю, что я должен делать. И знаю, что ценой возврата моей искры станет тотальное уничтожение самого ненавистного мной мира.

Может, демоны и не спят.

Но мы видим сны.